

Виктор Серов

Счастливец

Вместо эпиграфа:

«— Я прибыл не из Ленинграда, а из Санкт-Петербурга.

Аня не стала смеяться, а тем более впасть в ступор. Она тихо спросила:

— Ты царя видел?

— Нет, — улыбнулся Веня. — Царя не видел, но видел Путина.

— Ты хотел сказать — Распутина?

— Нет, милая. Я — из будущего...».

Глава Первая, в которой Веня Ростовцев все еще находится в привычном ему мире

«Пить или не пить — вот в чем вопрос», — эта почти шекспировская проблема не выходила из

Вениной головы с тех пор, как он получил две похожие эсэмэски. Первая из них пришла прямо на сцену во время вечернего представления. Писал питерский приятель Леха Залуцкий. Предложение было заманчивым, хотя и не совсем оригинальным — посетить вновь открывшийся клуб на Невском. Пламенному обещанию «... никаких баб и минимум алкоголя!» Ростовцев не верил в принципе, потому что в этом случае терялся смысл самого мероприятия. Второе сообщение исходило от друга детства Вальки Петрова. Тот уже два дня топтал мостовые Северной столицы и соответственно в десятый раз напрашивался на встречу. По большому счету здесь тоже было все понятно, потому как совместные детские выходы лучше всего вспоминались под крепкие спиртные напитки.

Однако и с тем, и с другим не возникло бы никаких проблем, если бы не одно «но». Перед спектаклем худрук объявил новость, которую театральный коллектив уже и не ожидал услышать — завтра труппа в полном составе выезжает на корпоратив с целью «...улучшения творческого климата и укрепления межличностных связей». В этом контексте Веню больше всего интересовала связь с актрисой Ирочкой Сеницыной. Он не сомневался, что те места, где он пытался добиться успеха ранее, были недостаточно романтичными и

надеялся исправить ситуацию на природе. Поэтому данный пункт программы ставил под сомнение целесообразность сегодняшних сабантуев. Козе понятно, что для окончательного покорения столь загадочной особы необходимо было, как минимум, быть в свежей физической форме.

«Пить или...», — в глубине сознания вновь начал формироваться вопрос, но его тут же обрубил звонок мобильного.

— Веник, скажи мне, наконец, это ты или кто-то другой? — послышался в трубке бубнящий голос Вальки. — Уже второй день наводишь тень на плетень, чтоб только меня не видеть...

— Валик, ты не понял. У меня, правда, совсем нет времени. Вчера была репетиция, сегодня — спектакль. Я предлагал тебе подъехать в театр, но что-то ты не особо разогнался...

— Короче, Вень, я понял, как с тобой нужно разговаривать. Ставлю тебя перед фактом — я купил билеты в ваш самый крутой клуб...

Он произнес название, после чего стало понятно, что провидение существует. Это было то самое заведение, в которое его настойчиво завлекала эсэмеска Залуцкого.

«В Питере Пить!», — шедевр Шнура тут же сформировал жизнеутверждающее руководство к действию в Венином мятущемся сознании.

— Место встречи — вход в клуб, время —

двадцать один. Если это обсуждается, то у тебя нет больше преданного Валентина Петрова, — заранее обиженно рубанул Валик.

— Приду, — поспешил успокоить приятеля Ростовцев. — Правда, со мной будет еще один человек...

— Наташка?

— Нет. Мой здешний друг Леха.

— Ты что, Веник? Неужели это то, что я думаю?

— Спятил, что ли? Как только тебе такое в голову пришло? Лешка — самый большой бабник из всех бабников, которых я знаю...

— Слава тебе, господи! Я уж подумал, что ты тоже поддался этой гребаной моде.

— Почему тоже?

— Помнишь Володьку Макеева?

— И что?

— Ну... так вот...

— Не может быть!..

Поздно вечером под непрекращающийся смех коренного питерца содержательный разговор земляков продолжился. Этому не мешали ни гроыхающая диджейская музыка, ни мелькающие на подиуме стриптизерши. Когда-то Вова с Веней посещали в Пскове музыкальную школу. После нее тот поступил в профильное училище, а потом и в такую же консерваторию. По словам Петрова

Макеев уехал в Австрию, а там поменял не только гражданство, но и сексуальную ориентацию. Ростовцев же ничего не менял, кроме детской мечты. Восемь лет назад вместо академии Можайского он внезапно поступил в академию Театральную...

Как и полагал Веня, ничего неожиданного в клубе не произошло — в общей сложности было выпито три бутылки виски. Правда, в поглощении их содержимого активное участие принимали привлеченные Лехой девицы. Последнюю литровую емкость опустошали в его квартире во время идиотской игры на раздевание, «привезенной» Петровым из Пскова.

Субботнее утро началось с грохота. Дамы, пытаясь сотворить яичницу, уронили на пол тяжелую сковородку. Это замечательное происшествие немедленно привело Ростовцева в чувство и заставило взглянуть на мобильник. До отправления тюзовского автобуса оставалось каких-то двадцать минут. Уже из ванной был произведен вызов такси, которое прибыло на удивление быстро. Попрощавшись с друзьями, Веня мчался навстречу новым приключениям. Однако на первое место в его текущих потребностях вышло непреодолимое желание глотнуть ледяного пива. Он мысленно ругал себя за то, что перед уходом не догадался заглянуть в

Лехин холодильник. Прикинув, что минута-другая ни на что не повлияют, все же попросил водителя притормозить возле возникшего за углом «Магнита».

— Что, земляк, трубы горят? — засмеялся таксист, заметив в руках вернувшегося пассажира запотевшую банку «Адмиралтейского».

— Не то слово, — буркнул Веня. — Надо срочно поправиться.

Он с треском выдернул крышку и гулками глотками переместил «лечебный» напиток в страждущий организм.

— Из гостей, наверное? — продолжал любопытствовать водитель.

— Оттуда, — кивнул Ростовцев. — Почти всю ночь куролесили, а сейчас еду с сослуживцами на корпоратив. Надо быть в форме. Хотя бы вначале...

— Ну, да... веселая у тебя жизнь, смотрю. Вредная, правда, для здоровья. А где работаешь?

— В Театре юного зрителя. Актером.

— Ну, и как? Хорошо платят?

— В самом театре — нет. Помогают выездные мероприятия, особенно с музыкальными номерами. Там — более или менее.

— А что ставите?

— Все, что угодно — от Дюймовочки до Гарри Поттера...

В этот момент показалась конечная точка.

Такси подкатил прямо к стоящему у фасада ТЮЗа автобусу. Водитель в обмен на деньги протянул нечто вроде визитной карточки.

— Будешь звонить по этому телефону — получишь скидку, — крикнул он на прощание.

Голос таксиста тут же утонул в более мощном крике, который раздался из открытого окна автобуса:

— Слава богу, Веняка приехал! Сегодня он помят еще больше, чем в прошлый раз. Скоро его телки и вовсе замнут до смерти... ха — ха...

Это был Макс Безуглов, к которому в театре приклеилось прозвище «Безумный». Впрочем, многие в труппе считали в его погоняле кавычки излишними. Веня до сих пор удивлялся главному — как тот вообще попал в театр? Однако ролями Максим был точно не обделен. Почти в каждом спектакле среди персонажей присутствовал дурак — не тот, который в конце становился умным, а тот, который законченный. На вопль Макса Ростовцев вообще не обратил бы внимания, если бы не находившаяся рядом Сеницына. При слове «помят» она отвернулась от окна.

Веня запрыгнул в автобус, где с удивлением обнаружил меньше половины труппы.

— Суббота — долго спят, — как бы оправдываясь, ухмыльнулся худрук Вадим.

— Тогда успею, — шепнул ему на ухо

Веня. — Мне нужно пять минут, чтобы проглотить стаканчик кофе с бутербродом.

— Ну, давай, — кивнул тот. — Только не затягивай.

Кафешка под названием «Пирожковая» находилась прямо напротив театра. Кофе, как и ожидалось, подействовало на организм благотворно, а «бургер» и вовсе закрепил успех. Конечно до состояния «как нигде не был» было еще далеко, но уже стало легче. Даже захотелось петь. Через несколько минут такая возможность представилась. Точнее, предоставили. Как только автобус тронулся, главному певцу ТЮЗа передали гитару. Ему это было на руку, поскольку срочно надо было реабилитироваться перед Ирочкой. Поэтому начал он с сольных номеров. Первый из них был из классики — «Отель Калифорния» группы Иглз. Однако к Сестрорецку подъезжали уже с совершенно другой темой. Веня затягивал Стеньку Разина, а талантливая труппа что есть силы ему подпевала. Разумеется, к этому времени запасы спиртного немного подтаяли, но положительных моментов было больше. «Творческий климат» явно стал улучшаться, но главное заключалось в другом — Ирина смотрела на Ростовцева уже совсем другими глазами.

К амурным делам Веня относился довольно легкомысленно, но так было далеко не всегда. За

год до окончания школы он по-настоящему влюбился в девчонку из параллельного класса. Наташка обладала не только эффектной внешностью, но и, как казалось Вене, огромным артистическим талантом. Ни одна школьная самодеятельность в то время без нее не обходилась. Под влиянием возлюбленной Ростовцев тоже стал участвовать в некоторых музыкальных постановках. Когда пришло время поступать в ВУЗ, они вместе поехали в Питер. Веня — в Можайку, а Наташа — в театралку. Однако он и сам до сих пор не может понять, каким образом она уговорила его подать документы в Театральную Академию. Результат оказался ошеломляющим — он поступил, она — нет. Ему казалось, что на их отношения данное обстоятельство никак не повлияло, но ошибался — Наталья затаила обиду. По иронии судьбы спустя три года она вышла замуж за офицера и уехала на Урал. После этого Веня пустился во все тяжкие и начал знакомиться с женщинами только в определенном контексте. Вот только с Ирочкой он так до конца и не определился.

Тем временем, миновав Сестрорецк, автобус устремился в Разлив. На «штурманском мостике» стоял ведущий актер ТЮЗа Рома Редькин и указывал путь водителю. Ранее он неоднократно выезжал сюда с Почтой России, где успешно трудилась его жена. Таким образом, о

существовании чудного места на берегу Финского залива слышали практически все члены творческого коллектива.

Реальность превзошла ожидания. Это была поляна с изумрудной травой и редкими, но очень яркими цветами. Вокруг покачивались корабельные сосны, а шорох волн гармонично переплетался с трелями невидимых птиц. Идиллию дополняло безоблачное июньское небо и плюс двадцать шесть градусов по Цельсию.

— Приглашаю всех отметить прибытие! — воскликнул Вадим, когда раскладные столики заполнились напитками и закусками. — За нас!

Все присутствующие шумно поддержали призыв руководителя. Вене уже давно не казался удивительным факт отсутствия в коллективе абсолютных трезвенников. Даже дамы бальзаковского возраста, коими являлись директор Зоя Федоровна и костюмерша Эльвира, никогда не отказывались от рюмки-другой под хорошую обстановку. С другой стороны злоупотребляющих спиртным, а тем более алкоголиков, в труппе тоже не было. То есть, по всем приметам, коллектив состоял из нормальных, здоровых людей, которым ничто человеческое было не чуждо. Выбивался, конечно, Макс, но на вышеуказанные показатели это никак не влияло.

— Господа! — выступил вторым Редькин. —

Не кажется ли вам, что мы находимся в раю? Предлагаю выпить за чудесное место, которое я вам подогнал... то есть предоставил.

Третий тост «За дружбу!» прозвучал из уст Зои Федоровны.

А потом заорал Максим:

— Не пора ли нам искупаться?! По-царски!..

— Как это, по-царски? — спросила у Вени Синицына, к которой тот заблаговременно передислоцировался.

— Это значит — голыми, — ухмыльнулся Ростовцев, представив себе столь живописную картину.

— Вот до чего додумался «Безумный». Ему больше не надо пить, а то его фантазии пойдут еще дальше.

Теперь уже Веня полноценно рассмеялся, потому что его воображение живо реализовало то, о чем сейчас подумала Ирина. Особенно в этом плане его веселила «квадратная» Зоя Федоровна.

Тем временем Макс не унимался и начал раздеваться, выкрикивая призывы всем делать то же самое. Остальные же разом замолчали, внимательно наблюдая за разошедшимся коллегой. Когда тот сбросил верхнюю одежду, встревоженный худрук произнес:

— Попробуй только снять плавки. Уволю сразу!

— Ну, как хотите! — захохотал Максим и бросился к воде.

Надо отдать должное — плавал он хорошо. За какую-то минуту его голова превратилась в точку, периодически скрывающуюся в балтийских волнах.

— Кабы не утонул, — посетовала Эльвира. — Вода-то холодная. Начало июня, как-никак.

— Не волнуйся, Семеновна. Такие как он, не тонут, — гоготнул Редькин. — А пятнадцать градусов для мужика — нормально. Я тоже искупнусь... пожалуй... потом...

— Ириш, пойдем, прогуляемся, — предложил Веня, решив, что самое время приступить к главному.

— Куда? Мы же и так на природе, — искренне удивилась Ирина.

— Ну... уединимся..., — не очень уверенно объяснился Ростовцев.

— Зачем? Если ты хочешь сказать мне что-то приватное, то говори... шепотом.

— Ирин, ну, а если я скажу, что ты мне нравишься? — решил приоткрыться Веня.

— Я поняла, Вень, ход твоих мыслей. Отвечу прямо — поздно. Если бы ты сказал мне это в прошлом году, то у тебя был бы шанс. А сейчас... сейчас у меня есть молодой человек. Это первое. Во-вторых, я живу не в вакууме и знаю, какая у тебя репутация...

— Какая?

— Махрового бабника — вот какая! А вот еще год назад этого не было... или я просто не знала. Вот так, Венчик...

С этими словами она просто отошла в сторону, а Веня чуть не... заплакал. Было очень обидно. Он не привык проигрывать вчистую, но душу тронуло не это. Дело в том, что Венчиком его называл только очень близкие люди — мама и бабушка...

Мутным взором он окинул присутствующих. Вольно или не вольно, но все уже разобрались по парам. Свободными оставались лишь те самые из Бальзака, да примкнувшая к ним Ирина. Веня плеснул себе водки, выпил и пошел прочь.

— Вень, ты куда? — окликнул его худрук.

— Осмотрю окрестности.

— А... понял. Смотри, не заблудись.

Ростовцев махнул рукой и проследовал вдоль берега. Это было не сложно, потому что между зеленью и прибрежными камнями тянулась невесть кем протоптанная тропа. Вскоре она ушла вправо, углубилась лес, а там и... закончилась.

Он повернул назад, но, сделав несколько шагов, остановился. Что-то выбивалось из логики окружающей природы. Присмотревшись, он, наконец, это увидел. Синева июньского неба проступала сквозь кроны деревьев. Это было

наверху, однако в одном месте она почему-то опустилась на землю. Веня незамедлительно туда проследовал. По мере приближения возник смутно знакомый запах. Он напряг память и сделал вывод, что так пахнет воздух при сильной грозе.

Это был обычный гранитный валун, излучающий небесно-голубой свет. Сделав еще несколько шагов, Ростовцев почувствовал, как все его волосы пришли в движение, а запах озона усилился. Разум подсказывал, что необходимо остановится, но какая-то непреодолимая сила тянула вперед. Вслед за этим свечение стало ярче. Послышался треск, как будто рвалась одежда. Последнее, что он помнил — это грохот, сопровождаемый ослепительной вспышкой. А дальше... дальше была темнота.

Глава Вторая, в которой Веня погружается в новую реальность

Синева уже не было. Ни вверху, ни внизу. Над кронами деревьев медленно ползли облака. В ушах стоял свистящий шум и немного подташнивало. Хотелось пить. Окончательно проморгавшись, он поднял голову. Кое что в окружающей обстановке изменилось. Слева

появились низкорослые кусты, а справа лежал сухой ствол упавшего дерева. Неизменным был лишь торчащий из земли огромный черный камень. Убедившись, что с руками и ногами все в порядке, он встал и сделал шаг назад. На этот раз никаких излучений и разрядов не последовало. Поверхность валуна, как и ожидалось, была холодной и шершавой.

Осмотревшись, Веня решил, что пора возвращаться. Судя по часам мобильного, он пролежал недолго — всего каких-нибудь минут двадцать. Недоумение вызвали некие изменения в окружающем мире. По мере приближения к поляне, их становилось все больше. Стволы прибрежных сосен казались тоньше, а кромка воды почему-то находилась на пару метров дальше. «Пора окончательно завязывать с алкоголем», — промелькнула в голове мысль. Самый же большой шок он испытал, когда, наконец, вышел на поляну. Она была пуста! Мало того — на ней не было ни человеческих, ни автомобильных следов. Это было заметно, потому что трава была не такая густая, как полчаса назад.

Почему полчаса? Веня почесал затылок и исследовал то место, где должен был стоять автобус. Следов колес не было и в помине! Что за чушь?! Он вновь вытащил мобильник и посмотрел на часы. Десять тридцать, а уходил он отсюда

примерно в десять. Пальцы сами пробежались по дисплею, вытащили на поверхность слово «Вадим» и нажали вызов. Тишина. То есть абсолютная тишина. Никаких гудков или сообщений оператора, что абонент занят или где-то там находится. Веня лихорадочно вернулся на главное меню и обнаружил, что антенки обеих СИМок напрочь отсутствуют.

Тут он все понял и крепко выругался, испытав при этом некоторое облегчение. Как же он не догадался сразу?! Ведь все дело в мощном электрическом разряде — шибануло так, что вышел из строя телефон, а сам он реально пролежал много часов, возможно, сутки. Только почему тогда его не искали? Ответ пришел сразу — подумали, что уехал самостоятельно.

С улучшенным настроением он побежал к дороге. Сразу за поворотом на берегу мелькнула лодка с суетившимися вокруг нее двумя мужиками. Решив убедиться в правильности своей версии, Веня повернул к ним:

— Эй, ребята, здорово!

— Здоровей видали, — настороженно отозвался один из них.

— Дорога далеко?

— Близко. Метров четыреста по прямой, — более дружелюбно ответил второй. — Ты что, заблудился?

— Вроде того. Приехали на отдых... ну, и что-то я своих не могу найти. Скажите, а мобильник тут берет?

— Не знаю. Вообще-то мы судака ловили. Он не берет, а окунь берет хорошо...

— Я про телефон спрашиваю. Ловит?

— Телефон не ловит, — рассмеялся тот. — Телевизор ловит, но мы браконьерством не занимаемся. А если тебе нужно позвонить, то ближайшая будка в Сестрорецке.

Почувствовав, что эти люди над ним издеваются, Веня махнул рукой и побежал дальше.

Тем временем заволновался угрюмый рыбак:

— Борь, не нравится что-то мне этот тип — мутный какой-то... телефон ему подавай...

— Да брось ты. Заблудился человек, поэтому и дергается.

— Нет, Борис, ты не прав. Видел, как он одет? Сплошь фирма. Заграничные джинсы, кроссовки и это... то ли батник, то ли майка... наши люди так не одеваются.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Шпион это, вот что. Прибыл морем, скорее всего. Приедем в город, сразу позвоню морским пограницам — у меня там свояк служит. Ты запомнил его?

— Кого?

— Шпиона, кого еще?

— Запомнил, Сань. Можешь на меня рассчитывать...

Веня изумленно смотрел на единственную дорогу, соединяющую Сестрорецк с «шалашом Ленина». Он точно помнил, что сюда они ехали по темному асфальту с разметкой, а сейчас здесь были просто бетонные плиты. Может быть, это такой особенный участок дороги? Под старину...

Размышления прервал транспорт,двигающийся в сторону Сестрорецка. Ростовцев поднял руку и рядом со скрежетом остановился... автобус. Подобную модель Веня видел лишь на картинках в специализированных журналах. «Неужели они здесь еще сохранились?», — подумал он. Кроме того он успел разглядеть и странный номер на бампере: 42-21ЛГБ.

В салоне у него и вовсе сложилось впечатление, что происходит какой-то дурной розыгрыш. Прямо напротив входной двери висел яркий плакат: «СОВЕТСКИЙ НАРОД ДОСТОЙНО ВСТРЕЧАЕТ 50-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ», а ниже это утверждение подтверждалось и математически: «1917–1967».

— Товарищ, вы до города или раньше? — подал голос водитель.

— До города, — машинально пробормотал Веня.

— Тогда пять копеек.

В этот момент автобус проехал мимо стоящей на обочине легковушки с аналогичным регистрационным знаком. Это был горбатый «Запорожец», который уже лет сорок как должен был исчезнуть с дорог страны.

Веня затравленно обернулся. Десятка полтора пассажиров не сводили с него глаз.

— Добрый день! — неожиданно для себя произнес он.

— Здравствуйте! — хором ответили те.

При этом громче всех его приветствовали две девочки в красных галстуках. Сидящая впереди женщина со странной сетчатой сумкой наклонилась к соседке и начала что-то объяснять. Особенно хорошо было слышно слово «стиляга»...

— Товарищ, вы будете платить? — опять послышалось из водительской кабины.

— Буду, буду..., — неуверенно проговорил Веня. — Только у меня нет копеек. Одни рубли.

— Ничего. Давай рубль — сдачу найду.

— Вот, пожалуйста, — протянул Веня сторублевку, самую мелкую купюру, которую у себя обнаружил.

— Ты что мне суешь?! Издеваешься, что ли? — закричал водитель, увидев красную бумажку. — Деньги давай, а то милицию вызову.

При этом автобус остановился. Веня начал понимать, что вляпался во что-то нехорошее.

Нужно было срочно исправлять ситуацию, поэтому он сказал первое, что пришло в голову:

— Откройте, пожалуйста, дверь. Мне нужно вернуться назад.

— Нет, дорогой. Теперь только вперед. Будем разбираться с милицией...

— Не надо никакой милиции! — раздался вдруг звонкий голос.

Из глубины автобуса выпорхнула миловидная девушка, с улыбкой пробежала между креслами и протянула водителю монету:

— Возьмите! Он же играет... неужели вы не видите?

Она подхватила Веню под руку и со словами «...у меня там свободное место» потащила его в конец салона.

— Я сразу все поняла, — тараторила девица, усадив его рядом с собой. — Ты актер... будущий...

— Откуда вы... ты знаешь? — испуганно спросил Ростовцев.

— У меня подруга учится в Ленинградском театральном институте. Им там дают задания разыграть кого-нибудь в жизни или бесплатно куда-нибудь доехать... в метро, например. Ты на каком курсе?

— Я уже давно закончил. Работаю в театре...

— Это здорово. Ты не знал Люду... Люду

Сорокину?

— Вроде нет. В каком году она туда поступила?

— В шестьдесят третьем.

— Что — в шестьдесят третьем?

— Она поступила в театральный институт в одна тысяча девятьсот шестьдесят третьем году... от рождества Христова, — весело и с расстановкой продекларировала девушка.

— Ты шутишь? — Веня с замиранием сердца смотрел ей в глаза.

Она не шутила! Считающий себя знатоком женской психологии, неоднократно уличавший своих подруг во вранье, он готов был биться об заклад, что эта говорила чистую правду!

— Зачем мне шутить? Люде осталось учиться один год, — искренне подтвердила она. — А меня зовут Аня Сизова, а тебя?

— Вениамин Ростовцев.

Наверное, при этом он невнятно произнес фамилию, потому что девушка ее повторила в измененном виде и с ударением на другом слогe:

— Рословцев? Тебе профессор Николай Иванович Рословцев случайно не родственник?

— Нет.

— Жалко. Хороший дядька. Он у нас в университете историю партии преподавал. А я теперь работаю экскурсоводом. Сейчас вот первую

группу к шалашу возила. Вообще-то я в Сестрорецке и родилась. Живу одна в маленькой квартире. Родители уже давно уехали в Иркутск...

Она что-то говорила, но Веня ее уже не слушал. Он осознал весь ужас происходящего и безуспешно пытался прийти в себя. В детстве с подачи отца, увлекающегося научной фантастикой, ему приходилось читать соответствующие книги. В результате скручивания пространственной и временной субстанций образовывались некие порталы, через которые люди могли мгновенно преодолевать гигантские расстояния и такие же пласты времени. Веня даже помнил, как называли героев этих книг. Это были попаданцы. В основном их изображали несчастными, скованными неожиданными обстоятельствами, субъектами.

Но ведь это была фантастика. Попросту — сказка, вымысел. Как же тогда подобное перемещение могло произойти в реальности? Да еще на пятьдесят лет. И это случилось ни с кем-нибудь, а именно с ним, Веней Ростовцевым.

Что же теперь делать?...

Во-первых, успокоиться и не навредить себе хотя бы вначале. Для этого нужно принять оригинальную легенду Ани, сблизиться с ней, но при первом же удобном случае вернуться к проклятому камню и биться об него до тех пор, пока он не выпустит назад.

— Вениамин, выходишь? — вывел его из размышления звонок Ани. — Конечная уже...

Покинув автобус, они молча шли по тротуару Приморского шоссе. Веня боялся смотреть по сторонам, потому что все вокруг подтверждало ту кошмарную версию, которая уже напрочь закрепилась в его мозгу. В первую очередь это касалось автомобилей. Их просто не было! А то редкое, что было, представляло собой гулкое, скрипящее и дымящее убожество. Веня даже не представлял, что когда-то в этом плане могло быть именно так. То ли дело там — через пятьдесят лет. Все дворы, дороги и даже тротуары забиты не чем-нибудь, а шедеврами мирового автопрома.

Он также обратил внимание, что почти все двустворчатые двери парадных многоэтажек распахнуты настежь, а балконы завешены всевозможными тряпками. Однако больше всего удивляли люди. Их было много, то есть очень много. Аня не успевала отвечать на приветствия встречных прохожих. Некоторые здоровались и с Веней, но все без исключения с интересом его разглядывали. Поражало то, что лица прохожих были не то, что радостные, но далеко не замороченные, как у россиян двадцать первого века. А еще — было очень много курящих. Мужчины курили прямо на ходу так, что дым даже не успевал рассеиваться.

Веня вздохнул и решился-таки проверить точность своего попадания. Не поворачиваясь к спутнице, он как бы между прочим произнес:

— Стало быть, у нас сегодня суббота третье июня.

— И что? — сверкнула глазами Аня.

— Дело в том, что мне еще рано возвращаться в Питер. Я не выполнил задание в полном объеме. Отчет будет неполным, а врать я не привык. Мне нужно время хотя бы до понедельника.

— Веня... можно я тебя буду так называть?

— Конечно.

— Второй раз в жизни слышу, что Ленинград называют Питером. В общем-то, я знаю, так не принято, но мне это жутко нравится. Что ты собираешься делать?

— Мне нужно остаться...

— Без документов и денег?

— Вот и я думаю, — Веня выжидающе смотрел на Аню.

— Все, я решила! Поживешь у меня. Надеюсь, ты хороший мальчик и не будешь ко мне приставать.

— Да как это можно?! — возмутился он.

Сам же прикусил язык, потому что следом летела фраза: «Но совсем не против твоего приставания ко мне». Ей бы хорошую одежду, подумал Веня, да чуть-чуть нормальной косметики

— можно и на мисс Вселенную посылать.

Анина квартира располагалась на втором этаже двухэтажного дома и была еще меньше, чем Веня мог себе это представить. На кухне едва могли разминуться два человека. И это без холодильника, которого не было вовсе. Из мебели там были стол и две табуретки. Под двумя навесными шкафчиками стояли тумбочка, двухкамфорная газовая плита и раковина. В совмещенном санузле рядом с огромной ванной без душа, находился не менее громоздкий унитаз с бачком на уровне головы. Однако именно он являлся гордостью хозяйки, потому что в принципе удобства находились во дворе, и лишь треть квартир была оборудована «чудными устройствами». Устройство, правда, издавало звук, соизмеримый с грохотом Ниагарского водопада. Самой же любимой вещью Ани являлся черно-белый телевизор. Выяснилось, что его всего лишь неделю назад по большому блату привезли из Ленинграда. Вечером смотрели его с упоением. Аня — как собственно телевизор, а Веня — как окно в удивительный мир прошлого. Жалко, что был лишь один канал. Опрямительный вопрос Ростовцева подвигнул Анюту настойчиво выяснять количество каналов в Ленинграде. Был в квартире еще один предмет, интересный для гостя, но совершенно бесполезный для хозяйки. Это «оставшееся от мамы» пианино. Однако в этот раз

Веня не стал хвастаться своим мастерством.

Ночевал он в узкой прихожей на раскладушке, а утром засобирался в дорогу. Объяснил, что обязательно нужно закончить задание режиссера театра. «Одолжив» у хозяйки двадцать копеек, Ростовцев выскочил на улицу. Путь его лежал на остановку и далее — к камню. У него не было сомнения в том, что он «откроет» портал и вернется назад. Легкая досада осталась от того, что не попрощался с чудной девушкой, но это был лучший вариант для обоих.

До места Веня добрался быстро. Еще издали он определил, что свечение на камне отсутствует. Последующие часа полтора были посвящены приведению камня в «рабочее состояние». Вначале он пытался сделать это по-хорошему — гладил его и даже целовал, говорил ему добрые слова, а однажды со слезами на глазах признался в любви. Постепенно степень воздействия на валун становилась жестче. Тон воззваний к нему изменился. Вместе с содержанием. Из памяти были извлечены все обороты, содержащие матерные слова. Даже противоречащие здравому смыслу. Когда же стало ясно, что слова не действуют, Веня перешел к физическому воздействию. Начал с большой палки, которую отломал от сухого дерева, а закончил камнем, специально принесенным с берега. Им замечательно выбивались не только

искры, но и мелкий щебень.

Если бы при вышеописанном действе Веню обнаружил кто-то из посторонних, то незамедлительно вызвал бы специализированную неотложку. Ну, а в дурдоме пятидесятилетней давности в самый раз было бы доказывать, что ты прибыл из светлого будущего. Вскоре удары превратились в некую рутину, потому что их прекращение оставило бы лишь одну тоскливую безысходность. Очередной удар сбил мох у основания, обнажив знаки, похожие на стрелы. Очистив поверхность, Ростовцев обнаружил рукотворную картину, охватывающую добрую половину нижней части валуна. Бросались в глаза изображения круглой формы.

Их было много и расположены они были в определенном порядке. Нижний ряд состоял из девяти фигур диаметром сантиметров десять. Из верхней точки последней исходила стрелка, упирающаяся в нижнюю часть первого круга следующего ряда. В этом ряду насчитывалось шесть фигур, диаметр которых составлял примерно семь сантиметров. Из последнего из них стрелка указывала на первое изображение следующего ряда. Там было три круга, диаметр которых не превышал пять сантиметров. Стрелка от последнего из них была очень длинной. Изогнувшись, она упиралась в первый круг первого ряда. То есть система была

замкнутой.

Это был единственный вывод, который сделал Веня, созерцая незамысловатую картину. Он также понял, что сегодня он точно назад не вернется, а вот если разгадает смысл изображенных на камне символов, то шансы будут. Кроме того, нужно было для Ани придумать новую легенду. Был и другой вариант — рассказать ей все как есть. Бросив взгляд на судьбоносный рисунок, Ростовцев отправился к дороге.

В автобусе, как обычно, он был в центре внимания. Поэтому сегодня необходимо было купить современную в прямом смысле этого слова одежду. Пристальнее всех на него смотрел человек в военной форме. Поскольку погоны, петлицы и часть фуражки были красного цвета, то Веня предположил, что это и есть милиционер. Еще он предположил, что, скорее всего, этим дело не закончится и оказался прав. При выходе из автобуса он услышал:

— Товарищ, стойте!

Веня соскочил со ступеньки и быстрым шагом направился к дому Ани. Сзади послышались тяжелые шаги, а затем на плечо легла не совсем легкая рука.

— Я вам говорю, гражданин! Почему не подчиняетесь?

Голос капитана срывался на фальцет.

Вариантов выкрутиться из данной ситуации у Вени не было, поэтому он впал в ступор.

— Предъявите документы! — последовал приказ.

У Ростовцева из документов было лишь водительское удостоверение, которое он получил в две тысячи пятнадцатом году. Однако и к бабке не ходи — если бы он показал пластик стражу порядка, то сразу бы попал в каталажку.

— Я как-то непонятно выразился?! — накалялась обстановка.

— Вы знаете, товарищ капитан, — все же пришел в себя Веня, — я начинающий актер из Пете... Ленинграда Вениамин Рословцев. Получил задание от режиссера провести натуральную практику в вашем городе...

— Что это такое?

— Меня, видите, одели определенным образом и послали сюда без документов и денег. Вот я и выкручиваюсь...

— Кто это может подтвердить?

— Моя родственница Анна Сизова, у которой я остановился. Она тут рядом, — Веня кивнул в сторону Аниного дома.

— Тогда пойдем.

Только бы она была дома, думал Ростовцев. Ведь он был уверен, что больше сюда не вернется, поэтому просить ключ даже и не пытался. Увы, Аня

отсутствовала. Стуки в дверь и крики в замочную скважину ни к чему не привели. И тут совершенно неожиданно капитан спросил:

— Под ковриком не проверяли?

— Что?

— Я говорю, у нас в Сестрорецке все ключи под ковриками оставляют.

— Как это? — удивился Веня.

— А вот так, — грозный милиционер нагнулся и извлек ключ от квартиры из-под коридорного половичка.

— Что здесь происходит?! — раздался сзади испуганный голос.

На площадке стояла Аня с уже знакомой Вене сетчатой сумкой. Там было полно продуктов. Хорошо просматривались хлеб, треугольные пакеты с молоком, вареная колбаса, что-то завернутое в коричневую бумагу и... бутылка с яркой этикеткой «Вишневая наливка».

— Это ваш родственник? — строго спросил милиционер.

— Да, мой, — не моргнув глазом, ответила девушка.

— Как его имя и кем он работает? — не унимался страж порядка.

— Вениамин Рословцев, артист, — как по заученному, прозвучал ответ.

— Ну, тогда ладненько, — успокоился тот. —

Вы тут аккуратней...

С последней фразой капитан повернулся и, не прощаясь, удалился.

Несмотря на кажущуюся простоту, обед был царский. Аня успела сварить суп с куриными потрошками. Ничего подобного со времен бабушки Веня не пробовал. Толченая картошка с колбасой тоже казались деликатесом. Казалось бы, колбаса — она и в Африке колбаса. Однако после того как он положил кусочек в рот, стало ясно, что то, что продается в его любимом Питере — все что угодно, только не колбаса. Наконец, на десерт была предложена наливка с финиками. Вкусный «компотик», принятый на сытый желудок, произвел эффект бутылки виски. После всего этого Веню потянуло на подвиги — пока не на те, которые казались бы логичными, а на другие — он направился к инструменту.

Пианино было слегка расстроено, но на процесс это не влияло. Для начала Веня исполнил несколько бессмертных хитов Битлз. Судя по округлившимся глазам Ани, она их не слышала, хотя некоторые из них были написаны явно до шестьдесят седьмого года. Затем он перешел к «Абба», «Айрон смит», «Скорпионз» и так далее, пока не добрался до современных западных звезд. Ане более всего понравился Стинг. С отечественными исполнителями Веня проделал то

же самое. Начал с известных хозяйке «Катюши» и «Подмосковных вечеров», продолжил Тухмановым, Антоновым и Паулсом, а закончил Газмановым и Крутым. По окончании концерта Ростовцев понял две вещи: во-первых, что окончательно покорила девушку, а во-вторых, ему стало ясно, каким образом здесь можно не только заработать денег, но и прославиться. Последнюю мысль Веня тут же отогнал, поскольку не сомневался, что разгадает загадку камня и в ближайшее время отправится домой. В этом смысле ему, как порядочному мужчине, не хотелось завязывать более тесные отношения с девушкой. Он чувствовал, как та на него смотрит и не исключал, что это может произойти прямо сейчас.

Но не произошло. В дверь постучали, после чего в квартиру ворвалась весьма энергичная особа. Это была Рая, родственница Ани. Первым делом она критически осмотрела гостя, а затем стала ему рассказывать, какая у нее замечательная двоюродная сестра — красавица, умница, отличница в школе и университете. В конце монолога она, глядя Вене прямо в глаза, констатировала, что ее сестра — совершенно неискушенная и невинная девушка. Затем приступила к допросу гостя.

Однако Аня не стала дальше это терпеть и со смехом потащила Раису к выходу. Обернувшись,

она сообщила, что вернется лишь к вечеру. Предоставленному одиночеству Веня был только рад. Он отыскал лист бумаги, карандаш и легко воспроизвел пресловутый «каменный» рисунок. Он выглядел как лестница с тремя ступеньками. Нижняя была самая широкая и мощная, средняя — средняя, верхняя — тонкая и узкая. Вначале Ростовцев пытался напрячь логику в этом направлении, но это ни к чему не привело. Тогда он решил зайти с другой стороны. Его перемещение состоялось вчера, то есть третьего числа. Верхний ряд как раз и состоял из трех символов. Допустим, они обозначают дни... или сутки. Тогда что представляют собой круги во втором ряду? Месяцы? Сейчас июнь, то есть шестой месяц в году, а в этом ряду и насчитывается шесть символов. Тогда остальное совсем просто. Круги самого большого диаметра — это годы.

Почему же их девять? Разгадку первого ряда Веня справедливо решил искать в общем контексте картины. Когда же все стало на свои места, он схватился за голову и... пожалел, что в этом доме больше нет спиртного.

Все прояснили стрелки. Если их перевернуть, то получалось, что мы имеем третий день в шестом месяце девятого года, а затем опять третий день шестого месяца девятого года и так далее, то есть имел место цикл некоего события. Этим событием,

безусловно, являлось открытие портала — каждые девять лет в шестом месяце третьего дня. Таким образом, легко было догадаться, что назад Веня сможет пройти лишь через девять лет, то есть третьего июня одна тысяча девятьсот семьдесят шестого года.

«Ну, что же, — подумал он часа через два полной прострации, — и в этом мире живут люди. Поэтому надо успокоиться, включить мозги и попытаться выжать максимум из своего положения».

К жизни его вернула Аня. Сестра, по всей вероятности, дала добро, поэтому девушка на Веню смотрела еще более преданными глазами. С порога она воскликнула:

— Венечка, смотри что я тебе принесла! Раисе на майские на работе выдали. С фильтром!

Она с гордостью протянула ему пачку сигарет. Это была блеклая упаковка с гордым названием «ЗВЕЗДА». Надпись ниже подтверждала ее слова: «Сигареты с фильтром». Веня с благодарностью принял дар, чмокнув при этом Аню в щечку. Отказаться у него не повернулся язык, чтобы не дай бог, не огорчить девушку. Дело в том, что он не курил вообще. В том смысле, что даже не баловался. Просто однажды в детстве была получена пожизненная прививка. В шестом классе с Валькой Петровым были выкурены две пачки

«Винстона». Всего за какой-то час. А к исходу второго обоих забрала скорая.

— Покурим? — с энтузиазмом предложила Аня.

— Давай, — согласился Веня, собирая всю волю в кулак.

Они курили на кухне. Оба не затягивались, но всем своим видом демонстрировали высшую степень наслаждения. Уже к концу первой сигареты Ростовцев понял, что Аняте данная процедура еще более противна, чем ему. Поэтому, загасив окурочок, он с удовольствием произнес:

— Редкая гадость.

Реакция Анны была феноменальной. Искреннее изумление с открытым ртом длилось всего секунд пять. Потом же был продолжительный заливиственный смех. С нарастанием и почти до истерики.

— Ты правду говоришь? — успокоившись, но слегка захлебываясь, спросила она.

— Что ни на есть чистую.

— Я тоже так думаю, но почему-то всегда считала, что всем мужикам это занятие нравится.

— Я это понял, потому и не сопротивлялся.

Теперь они уже оба смеялись, правда, не так долго и уже без фанатизма. А пачка престижнейших сигарет вслед за окурочками отправилась в мусорное ведро.

Дело шло к ночи. Опять смотрели телевизор, ели гречневую кашу с молоком и говорили ни о чем. Веня чувствовал, что Аня к чему-то готовится и находится в небольшом нервном напряжении. Он смутно догадывался — к чему, но совершенно не определился, как вести себя в данной ситуации. Однако в любом случае сегодня необходимо рассказать ей всю правду. А иначе как дальше жить?

Его предположения оправдались — Аня не стала выставлять раскладушку. Просто отправила его посидеть на кухне, а потом позвала. Когда он вошел, девушка протянула к нему руки и произнесла вечные слова:

— Я тебя люблю.

— Ты уверена в этом? Ты ведь меня совершенно не знаешь.

— Я все равно тебя люблю.

Памятуя слова Раисы, Веня был очень осторожен. Намеки сестры оправдались — девушка действительно была девственницей. За весь свой богатый сексуальный опыт с подобным явлением он столкнулся впервые. Кроме того, он понял, что Анюта даже и не собиралась предохраняться. Поэтому и эту проблему ему пришлось решать самому.

Потом они оба лежали и смотрели в потолок. Вывод был однозначным — она действительно

испытывала к нему страстную любовь. О себе Веня пока не мог этого сказать, но был убежден в другом — внезапно возникшем огромном чувстве ответственности по отношению к столь прекрасному и хрупкому созданию. Другую же навязчивую противную мысль он старался от себя гнать. Если тупо сравнивать дни рождения, то получалось соответственно двадцать шесть и не менее семидесяти.

— Анечка, не спишь?

— Нет.

— Не жалеешь о случившемся?

— Нет, любимый.

— Мне нужно тебе кое-что сказать. Обещай, что выслушаешь меня и воспримешь мои слова спокойно.

— Обещаю.

Веня приподнялся и сказал главное:

— Я не тот, за кого себя выдаю.

— Ты не артист?!

— Нет. Я артист — артист Театра Юного Зрителя. Но прибыл из другого времени... не из Ленинграда, а из Санкт-Петербурга.

Аня не засмеялась, не впала в ступор, а просто спросила:

— Так ты царя видел?

— Нет, — улыбнулся Веня. — Царя не видел, но Путина видел.

— Ты хотел сказать — Распутина?

— Нет, милая, я — из будущего...

Уснули, наверное, лишь под утро. Вначале Веня поведал ей историю проникновения в «прошлое». Затем рассказал о своей взрослой жизни и о той, будущей жизни вообще. Однако наибольшее впечатление на Аню произвел рассказ о детстве, родителях и друзьях. Здесь она то и дело перебивала и вставляла отрывки своей биографии. Со стороны складывалось впечатление, что они выросли в соседних дворах. Станным образом внешние атрибуты жизни лихих девяностых совпадали с параметрами пятидесятых. Для большей достоверности своего повествования Веня демонстрировал «вещественные доказательства» — деньги с датами выпуска, водительские права и, наконец, мобильный телефон, на экране которого были видны дата и часы. Удивительно, но время абсолютно повторяло текущее. К сожалению, экран телефона погас прямо в руках Ани. Села батарейка, а зарядное устройство, Веня, увы, с собой не захватил.

Утром возлюбленная шокировала его невероятным предложением:

— Нужно пригласить Раю и все ей рассказать.

— Ты с ума сошла? Хочешь, чтобы меня забрали в...

Веня не придумал, куда его заберут, но то, что

Рая сразу же доложит, кому следует, он не сомневался.

— Ты не понимаешь, Венечка. Ты должен стать членом общества — с документами и понятной всем биографией. Рая — умная женщина, но главное состоит в том, что она работает начальником Сестрорецкого паспортного стола. Врать ей нельзя, потому что она сразу это почувствует.

После долгих раздумий, Веня согласился. «Хуже не будет», — справедливо подумал он.

Глава Третья, в которой Вениамин становится полноправным и уважаемым членом общества

Раиса появилась вечером. С бутылкой коньяка и тортом. И наотрез отказалась верить в Венину историю.

— Я увлекалась физикой, читала книги о соотношении пространства и времени, но нигде ничего подобного не встречала. Ваши бумажки и этот якобы телефон можно изготовить... и не такое делают. Вон, космические ракеты, слава богу, летают.

— Рая, я видела, как работало это устройство.

Там столько всего внутри! Даже кино!

— Ань, успокойся. Посмотри на него. Шпион вылитый!

— Послушайте, Рая. Какая страна будет посылать шпиона без документов, легенды и с вызывающей внешностью? — оправдывался Веня. — Давайте я исполню нашу музыку, расскажу о нашей жизни, достижениях...

И все-таки она поверила. Убедил ее... Интернет. Веня сразу заметил, что данная тема ее заинтересовала, а когда понял, рассказал о нем все, что знал. Это была полноценная лекция, которую читал гениальный ученый. Так думал он. Также, наверное, думала и Раиса, не говоря уже об Анюте. Достаточно было в этот момент посмотреть дамам в глаза.

— Согласна! Это невозможно сочинить, — сдалась она. — Как же вам там интересно жить! Когда, вы говорите, вас выпустят назад?

— Если не ошибаюсь, портал откроется через девять лет.

— Возьмете меня с собой?

— Если захотите, то — обещаю.

— А вы захотите?

— Что?

— Вы сами захотите через девять лет возвращаться?

В тот момент он не сомневался, что Раиса со